

ДЕЛО О ТРЕХ УБИЙСТВАХ

Роман
ИЛЬЯСОВГлава 4.
ДЕЛО О ТРЕХ
УБИЙСТВАХ

Продолжение.
Предыдущие публикации -
в №№ 471 - 473.

«Конечно, - ответил Яков. - Я обязан быть выше любых человеческих пороков. Я обязан прощать заблудших». «Почему вы его считаете заблудшим?» - спросил Михаил. «Почему... - повторил Яков. - Потому что он был слаб и не мудр и поддавался влиянию времени. Потому что он был неспособен отличить правду от лжи, отвергнув Тору и возвышая иные учения. Потому что он не видел своих пороков и не хотел прислушиваться к праведным наставлениям». «Я понимаю ход ваших мыслей и рассуждений и даже в чем-то одобряю ваши убеждения, - сказал Михаил. - А также я сейчас еще раз убеждаюсь, что вы очень мудрый человек, Яков. И поэтому давайте поразмыслим вместе. Как вы заявляете, Шаломаяев повесился сам. Наверное, перед тем как решил свести счеты со своей жизнью, он многое должен был передумать о ней. Может быть, даже признаться самому себе перед смертью в своих ошибках и пороках. Так как вы думаете? Разве, увидев вас за день до самоубийства, он мог не подойти к вам, и не излить свою душевную боль единственному человеку, которого знал в этой камере и который был мог понять его?»

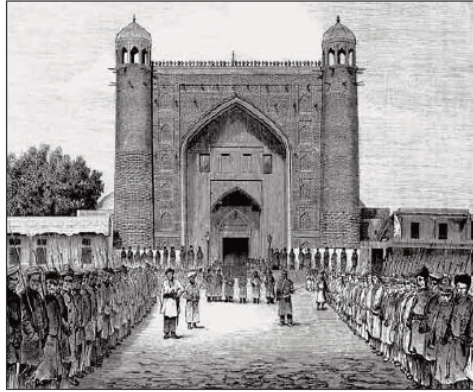
Яков призадумался и ответил: «Я вижу, гражданин следователь, что вы наделены глубокими природными качествами, позволяющими вам понимать душу человека. И мне приятно слушать ваши суждения. Я с вами согласен, что Самуил должен был осознать многое перед смертью. Но, видимо, он не смог перейти через все барьеры. В-первых, я полагаю, ему было очень стыдно подойти ко мне и исповедоваться в своих многочисленных недостойных деяниях. Во-вторых, как вы, очевидно, и сами понимаете, даже если он и признался самому себе в некоторых своих пороках, то все равно он так и не смог расквитаться во всем, очиститься и примириться со всеми перед своей смертью. И совершил самый последний и самый главный грех, уходя из этого мира, - убийство Саморуба...

РАВВИН ИЗ КОКАНДА

Помолчав, Яков с сожалением продолжил: «Уверен, что, если бы он посмотрел мне в глаза в тот день, я бы и сам смог разгадать его намерения и, возможно, предотвратить убийство Саморуба и самоубийство. Но он, кажется, предугадал подобную ситуацию. И поэтому всегда сидел ко мне спиной».

Михаил закончил записывать и спросил: «Я полагаю, Яков, что вам, конечно же, как новичку в камере, не могли быть известны причины убийства Саморуба Шаломаяевым? Или знаете что-нибудь об этом?» «Знаю ли я... - задумчиво произнес Яков. - И на самом деле, я только новичок, поэтому многого не знаю, а могу только догадываться». «Ну, и какая же ваша догадка, интересно узнать?» - подхватил Михаил. «Саморуб мне показался очень справедливым и, в то же время, очень влиятельным человеком в камере. Возможно, каким-то образом ему стало известно что-то негативное из жизни Шаломаяева, или же Шаломаяев проявил себя непорядочно, находясь уже там, внутри тюрьмы. Я думаю, это могло бы явиться поводом для того, чтобы к Шаломаяеву были применены какие-то негласные внутренние тюремные законы, которые, мне кажется, существуют между заключенными. А так как Саморуб считался главным среди заключенных в этой камере, то, наверное, он и решал, как наказывать Шаломаяева. Мне кажется, именно месть Шаломаяева уничтожила Саморуба. Но это только мое личное мнение, которое может быть ошибочным». «Да нет, - возразил Михаил, протоколирую слова Якова. - Я имел на этот счет точно такое же мнение».

Яков имел незаурядное зрение. Еще в детском возрасте он тренировал себя и научился читать книги лежащие перед ним перевернутыми. Это он называл гибкостью зрения. Он считал, что нужно развивать гибкость не только своего тела, но также и гибкость своего мышления, памяти, а так же гибкость слуха, зрения и других органов чувств. Он научился так сосредоточивать свое зрение, что мог увидеть висющую нитку на расстоянии, на котором ее не мог увидеть никто из его соседей - сверстников и школьных друзей. Также он научился свободно читать книгу, поднося ее почти к самому своему носу. Он так тренировал свою зрительную память, что мог мгновенным

взглядом сфотографировать и запомнить страницу книги. Затем, закрыв глаза, он как бы вытаскивал из своей памяти написанное на странице - читал ее.

Вот и сейчас это искусство пригодилось Якову. Пока Михаил делал запись в протоколе допроса, Яков случайно скользнул взглядом по верхней странице вопросника, лежащего перед Михаилом. Последний строкой на этой странице был вопрос: «Кто первым увидел трупы?» «Я не стану отвечать на этот вопрос, - подумал Яков. - А что, если он уже провел допрос с Бурым и тот сказал, что увидел трупы первым. Тогда мой отказ отвечать может породить подозрение. И это навредит следствию и поставит под удар Бурого. Что же делать? Нужно что-то срочно предпринять».

Закончив записывать, Михаил собрался задать следующий вопрос, но Яков опередил его: «Извините, гражданин следователь, что прерываю вас, но не позволите ли вы мне спросить у вас что-то?» «Да, пожалуйста, - без промедления ответил Михаил. - Вы имеете право на любые вопросы». - «Вы совсем не спали вчера и сегодня, а также мало спали позавчера. Верно?» «Верно, - удивленно произнес Михаил. - Как вы об этом догадались?» «Но вы же сами мне говорили, что я очень наблюдательный, - добродушно напомнил ему Яков. - Вы выглядите сегодня очень уставшим. И я тоже сегодня очень и очень устал. Можете ли вы сделать для меня одолжение и перенести нашу беседу на завтра». «Конечно, могу, - последовал ответ Михаил. Он тут же вызвал конвоиров и попросил увести заключенного».

«Нужно срочно как-то связаться с Бурым и предупредить его, что мне завтра

запустят удочку через окно, для того чтобы мы написали то, что хотим им сообщить. Я не раз уже здесь это видел». «Я тоже видел один раз, - ответил Яков. - Но это делали опытные заключенные, имеющие опыт такого общения и хорошо знающие друг друга. Ты думаешь, они станут таким способом общаться с нами: с тобой, малолеткой, и со мной - трехдневным заключенным?» «Можно попробовать, - настаивал на своем предложении Барух. «Ты, кажется, прав, сынок, - согласился Яков. - Я просто не вижу другого пути».

...Через несколько часов, когда в коридоре наступила мертвая тишина, Яков стал простукивать стенку справа, а Барух стенку слева. После простукивания они прикладывали ухо к стене и прислушались, но ответа не было. Они повторили это многократно за течение длительного времени, пока, отчаявшись, Яков не сказал Баруху: «Они не признают нас. Оставим эту затею сынок». Он присел на корточки, прислонился к стене спиной, и, схватившись обеими руками за голову, стал раздумывать, что можно еще предпринять...

Ему стало казаться, что слышен глухой стук. Он то исчезал, то внезапно появлялся снова. «Слуховая галлюцинация», - решил Яков. Стук слышался более отчетливо. Яков закрыл уши - стук прекратился. «Странно, - подумал Яков. - Похоже, этот стук - не галлюцинация». Он открыл уши и снова услышал стук. Тут же головой припал к стене. «Да, это стучит из соседней камеры, сынок! - радостно прошептал Яков, подзывая Баруха к себе рукой. - Они нам ответили!»

Барух встал на ноги и подбежал к окну. «Учитель, - возбужденно произнес он, - это значит, они скоро закинут к нам удочку».

Оба стали всматриваться в темноту за окном. Через несколько минут за окном что-то пролетело и сразу исчезло. «Ты заметил это, Барух?» - спросил Яков. «Нет, - ответил Барух. - Я ничего не видел». «Посторонись-ка, сынок». Схватившись за решетку левой рукой, Яков просунул наружу правую как можно ближе и замер у окна с вытянутой рукой. Мимо его руки что-то пролетело, задев кончики пальцев, потом снова и снова, пока Якову не удалось поймать это. «Ну, вот, кажется, и поймалась рыбка, - прошептал Яков, осторожно пронося внутрь через решетку свой «улов».

Продолжение следует

зададут вопрос о том, кто первым увидел трупы, - рассуждал Яков, пока его вели по коридору. - Эта было моей оплошностью, что я тогда не возразил Бурому и не убедил его, что ложь может осложнить дело. Я должен ему сообщить, что не могу лгать - это грех. А отказ говорить навредит на мысль, что я покрываю преступление... Как же с ним связаться?»

Яков стал прислушиваться, проходя по длинному коридору. За вереницей железных дверей его тонкий слух улавливал знакомые и незнакомые голоса людей, разговаривающих в камерах. Но степенного басистого голоса Бурого, который можно было бы различить даже среди тысячи голосов, так и не услышал.

Якова остановил внезапный голос конвоира. Его завели в камеру и заперли за ним дверь. К нему тут же подбежал Барух и взволнованно спросил: «Учитель! С вами все в порядке?» «Слава Богу, мой мальчик, я в порядке», - ответил Яков. «Но я вижу, на вас лица нет, учитель, - не унимался Барух. - Что-то было не так на допросе? Вас пытали?» «Да нет, - ответил Яков. - Бог милостив. Меня водили на беседу к человеку-ангелу - следователю Михаилу. Ну, а выгляжу я озабоченным, потому что не могу решить одну задачу?» «Поделитесь со мной, учитель, что вы не можете решить?» - настойчиво спросил Барух.

Яков не хотел обременять Баруха своими заботами. Но молчание не успокаивало Баруха. «Мне нужно предупредить кое о чем Бурого, но я не знаю, как это сделать», - наконец сдался Яков. «А я знаю», - ответил Барух. «Знаешь?» - удивился Яков. «Ну конечно, - подтвердил Барух. - Надо ночью поступаться в соседние стены. Когда нам ответят стук, тогда жди, что скоро к нам